

Владимир Тростников

МЫСЛИ О ЛЮБВИ

Главная черта нашего времени — небывалый темп изменения всех сторон личной и общественной жизни.

Стремительно развивается техника. Постоянно меняется значение различных факторов окружающей действительности. То и дело мы видим перед собой новую картину будущего. Но на фоне этой всеобщей текучести и подвижности загадочным контрастом выделяется нечто застывшее — наше мировоззрение. Оно остановилось на том пункте, которого достигло два-три столетия тому назад, и с тех пор подвергается разве лишь мелким починкам и доделкам, но никак не перестройке.

А его здание давно стало аварийным и непригодным для обитания нашего духа. Пришедшее к нам из восемнадцатого века, это мировоззрение проявляет сейчас внутреннюю противоречивость, логическую неполноту и несоответствие фактам. Оно бессильно вместить в себя данные, добытые современной наукой, и не может служить нам компасом для выбора целей и образа действий. Мы чувствуем это и не используем его в близких нашему сердцу делах — например, в личной оценке событий. Тем не менее, мы продолжаем официально провозглашать его последним достижением человеческой мысли, венцом многовекового развития познания. Наша картина мира не нравится нам, но это не заставляет нас подвергнуть ее сомнению. Мы говорим: что делать, мир так устроен! Мы ленимся искать нечто более правильное. Худобедно, но мы все-таки живем с этим мировоззрением, и надеемся, что проживем с ним и впредь.

А ведь мы играем с огнем! Ускоряющееся изменение условий нашего существования и предъявляемых к нам требований в любой момент может выявить несостоятельность нашей философской платформы. Сидя на хромой лошади, нельзя быть готовым к решительным действиям. А наша философия не только хрома, но еще и слепа на один глаз — на тот, который обращен к духовным явлениям.

Двести или триста лет назад нам запретили смотреть на эти явления как на нечто реальное и потребовали замечать только то, что улавливается внешними рецепторами наших органов чувств. В результате этого запрета огромная часть Бытия оказалась за чертой нашего внимания. И это как раз та часть, которая в настоящий

момент для нас важнее всего на свете!

Чтобы снова увидеть эту забытую нами половину Сущего, не нужно обладать особой зоркостью. Она всегда перед нами. Нужно только понять нелепость наложенного на наше мышление запрета. Нужно спросить себя: чем показания органов чувств предпочтительнее показаний внутренних органов души о процессах, происходящих в ней при отключенных внешних чувствах? Ведь показания второго типа так же определены, сильны и узнаваемы, как и первые.

Дискриминация по отношению к одному из двух источников знания о мире, имеющихся в нашем распоряжении, и привела к появлению ущербной, однобокой философии. Она способна сделать логический вывод об объективном существовании того, что возбуждает наши сенсорные каналы, но категорически отрицает объективную, то есть находящуюся вне нас, реальность, которая, если следовать той же самой логике, должна стоять за мощным потоком спонтанных психических явлений, часто сотрясающих нас куда сильнее любого чувственного сигнала.

Не надоело ли нам повторять сентенции, придуманные в эпоху самодовольного овладения людьми материальным миром? Не самое ли время сейчас, когда стало ясно, что материальное могущество ничего нам не дало, оставить устаревшие лозунги и заново серьезно задуматься над проблемами Бытия и своего места в нем? А то, как бы не было поздно!

В первую очередь мы должны устранить однобокость нашего взгляда на мир и понять, что, подобно тому, как за сигналами органов чувств стоит онтологически существующая данность, называемая материей, так за внутренними сигналами нашей души стоит онтологически существующая данность другого рода, которая дополняет первую и частично с ней пересекается, но в любом случае является такой данностью, без которой не было бы не только человека, но и Вселенной.

Этот вывод всегда был самоочевиден. Но в наш дикый век он многим кажется странным, поэтому его недостаточно сформулировать, а надо обосновать и извлечь из него нужные для жизни следствия. Данная работа представляет собой попытку сделать это.

Автор стоял перед необходимостью с

чего-то начать, выбрать для исследования такое внутреннее явление, которое всем нам было бы хорошо известно и которое смогло бы помочь нам приоткрыть дверцу в ту половину Бытия, которая три столетия назад была отгорожена от нас. В качестве такого явления была избрана любовь.

Более двух тысяч лет назад Аристотель писал: «Думается, что познание души много способствует познанию всякой истины, особенно же познанию природы». Этот завет в течение нескольких последних столетий представлял собой заброшенное ору-

жие и, казалось бы, должен был заржаветь. Но он оказался необычайно свежим и действенным.

Испытав его силу, так же невозможно вернуться к «естественно-научному методу», задерживающему туманом даже самые простые вещи, как после пользования стальным ножом вернуться к каменному. Хотелось бы, чтобы это ни с чем не сравнимое чувство восхождения на новый уровень духовной деятельности испытывало все большее число людей.

Глава I

МНЕНИЕ ОФИЦИАЛЬНОЙ НАУКИ

Фрейд — мой личный враг, — с торжественной медлительностью произнесла Анна Андреевна. — Ненавижу все. И все ложь.
Из воспоминаний Лидии Чуковской об Анне Ахматовой.

1.

Что такое любовь?

Вопрос этот покажется многим людям схоластическим. С некоторой досадой они скажут, что незачем пускаться в теоретизирование по поводу ясных вещей и искать проблемы там, где все просто. Но хотя большинство людей самоуверенно полагает, будто они понимают сущность любви, их мнения по этому поводу сильно расходятся. Это означает, что имеет смысл обдумать вопрос заново.

Однако принесет ли это какую-нибудь пользу? Если даже природа любви будет нами выяснена, то что это даст?

Все более уточняя нашу проблему, тщательно исследуя знакомые каждому душевные движения, используя наблюдения за поведением людей и логические умозаключения, мы сумеем в конце концов достичь истинного, а не иллюзорного понимания существа дела. Мы убедимся, что проблема имеет четкое решение, которое не оставит нас равнодушными, ибо оно пообещает стать ниточкой, ведущей к глубочайшим тайнам мироздания... Но до того еще далекий путь: нам предстоит уяснить много вспомогательных вещей и, создав необходимый понятийный аппарат, вывести проблему на метафизический уровень, на котором единственно можно рассчитывать найти ответы на серьезные вопросы Бытия.

Выясним, как понимают слово «любовь» взрослые люди.

Если мы применим анкетный метод выяснения мнений, то результат обследования будет примерно следующим.

Одни свяжут понятие любви с браком и прочной семьей. Другие вслед за герцогом из «Риголетто» заявят: «Где нет свободы, быть не может любви». Третьи не смогут ответить ничего вразумительного, поскольку никогда прежде не задумывались над подобными вещами. Четвертые

отделаются механически запомненной когда-то фразой, вроде «любовь есть исключительное предпочтение одного индивида всем другим». Пятые скажут: «Чтобы понять, что такое любовь, надо ее испытать». Шестые выскажут сомнение в существовании любви, назовут ее красивой поэтической выдумкой, которая, к сожалению, в реальной жизни давно не встречается. Седьмые обратятся к примеру, взятому из художественной литературы, — скажем, провозгласят эталоном любви чувства Ромео и Джульетты. Короче, наметится вроде бы обескураживающий разноречивый суждений. Однако здесь будет одна существенная деталь: разноречивые и взаимно уничтожающие друг друга мнения будут исходить от людей, так сказать, неученых. Те же, кто принадлежат к «интеллектуальной элите», проявят заслуживающее внимания единодушие и в той или иной форме выразят убеждение, что любовь есть идеальное отражение полового влечения, то есть сублимация секса.

Замечательно следующее: чем уровень образованности выше, чем разнообразнее и глубже познания человека, чем прочнее его мысль приучена к выбору в качестве опоры крупных научных авторитетов... — одним словом, чем утонченнее, культурнее, интеллигентнее этот человек, тем категоричнее он будет отстаивать ту или иную модификацию фрейдистской трактовки феномена любви. Т. е. тем прочнее заблуждения. 2.

Большой соблазн заключен в избавляющем от ответственности решении довериться профессионалам, которые пишут толстые монографии и небольшие статьи о реальной подоплеке любви и на основании идей, заложенных в этих книгах и статьях, лечат людей от неврозов, получая за это не только глубокую признательность пациентов, но и значительные гонорары. Как покойно на душе у того, кто пользуется готовыми суждениями психоаналитиков! Поступи и мы так — и не нужно было бы нам, мучительно преодолевая постоян-

ное сопротивление языковой стихии, лепить вот эти строки, ища все время самой точной мысли и самого убеждающего сочетания слов, но всегда чувствуя, что эти слова многих так и не убедят. Тогда можно было бы повторять отработанные другими фразы, вызывая неизменное уважение окружающих. Присоединяясь к такой могущественной системе, как наука, получаешь неисчислимые выгоды: она начинает защищать тебя своим авторитетом и снабжать аргументацией, против которой редко кто отважится возражать.

Однако во фрейдистской кулинарии, которой питается сейчас почти весь ученый мир (даже марксисты стали брать ее за основу, маскируя диалектико-материалистическим гарниром), есть одна не очень аппетитная деталь. Разговаривая с профессиональным психологом или просто с эрудированным интеллектуалом, для которого признаком хорошего тона является убеждение, что Зигмунд Фрейд открыл новую эру в познании внутреннего мира человека, вы замечаете удивительную вещь: ваш собеседник знает о том, что делается в вашей душе, гораздо лучше вас самих. Сначала это вызывает ваше восхищение и заставляет воскликнуть: да, великая вещь наука, она выявила во мне такие механизмы, о существовании которых я и не подозревал; благодаря свету научной истины я пойму себя лучше, чем прежде, и это облегчит мою жизнь! И вы с энтузиазмом начинаете вглядываться в себя, чтобы найти подтверждение великим положениям психоанализа. Однако подтверждений почему-то вы не находите, и тут возникает первое робкое сомнение.

Вы деликатно делитесь им с вашим собеседником, надеясь, что он быстро поможет вам увидеть в себе то, чего вы не умеете пока видеть, так как не имеете достаточной тренировки в самонаблюдении. Вы говорите ему: «Но у меня никогда не было в детстве того, что психоанализ считает обязательным для каждого человека — желания убить своего отца и жить со своей матерью; этого желания, насколько я помню, не присутствовало даже в самой зачаточной форме!»

Начитанный собеседник смотрит на вас с состраданием, какое всегда испытывает монополюный владелец истины к своему блуждающему в потемках собрату, и отвечает: «Нет, вы и с п ы т ы в а л и это чувство, вы просто забыли об этом».

Эта реплика сперва обескураживает вас, но затем вызывает в вашей душе первое чувство протеста. «Позвольте,— говорите вы,— но откуда же наука знает, что у меня в детстве было это чувство, если в то время меня никто о нем не спрашивал и не наблюдал за моим поведением с целью зафиксировать его, и если никаких следов этого чувства не сохранилось в моей памяти?» — Снова снисходительно улыбаясь вашему невежеству, интеллектуал вкратце расскажет вам, с помощью какой

методики были сделаны основополагающие открытия психоанализа, постоянно произнося имена Фрейда, Юнга, Адлера и других первооткрывателей, которые должны внушить каждому культурному человеку священный трепет.

Дальше может быть два продолжения. Если вы больше всего боитесь выглядеть не слишком культурным человеком, вы и в самом деле прочувствуете трепет от произнесения великих имен, и сомнения ваши рассеются. Но если вы имеете несчастье принадлежать к тем людям, которые чувствуют неискоренимую потребность доходить до всего пусть скромным, но собственным разумением; для которых желание самостоятельно убедиться в истине перевешивает даже страх перед потерей репутации образованного человека; которые во время беседы имеют привычку думать, а не просто запоминать научные термины, чтобы потом где-нибудь блеснуть ими, то жизнь ваша начнет осложняться. Разъяснения знающего человека только усилят ваш протест. Фрейдистская трактовка поведенческих актов маленьких детей, которых нельзя спросить об их чувствах и нужно догадываться о них по косвенным проявлениям, покажется вам чересчур произвольной, а тон, которым психоаналитики излагают свои тезисы — чересчур безапелляционным. Но надежда получить какую-либо помощь от начитанного собеседника к этому времени полностью угаснет, ибо он не сочтет далее возможным дискутировать с лицом столь непросвещенным и посоветует для начала ознакомиться по книгам хотя бы с азами психоаналитической концепции.

И вот вы беретесь за литературу. Вы начинаете с основоположников, которых современные авторы иногда упрекают за чересчур смелые высказывания, но тут же оговариваются, что это заслуживает снисхождения, ибо сила нового метода так опьяняла, что его невольно хотелось применить буквально ко всему, а кончите этими самыми современными авторами, куда более осторожными, но преисполненными такого высочайшего интеллектуализма, что по сравнению с ними Зигмунд Фрейд или Фриц Адлер кажутся неотесанными самоучками.

И вот по мере того, как объект прочитанного будет расти, начнет обретать почву под ногами и распределяться ваше чувство протеста. Когда вы разговаривали с начитанным интеллектуалом, вы основывались на одной интуиции, на том трудноуловимом ощущении, которое Лев Толстой назвал «чувством правды и красоты», но вы не имели фактов, не могли говорить уверенно, ибо боялись возвести на психоанализ какую-нибудь напраслину. Теперь же, ознакомившись с этим учением более подробно, вы убедитесь, что в нем действительно содержится плохо перевариваемый вами ингредиент — догматизм утверждений. Неожиданно для себя вы начинаете чувствовать, что вам трудно принять фрейдовскую концепцию психики примерно по той же при-

чине, по которой трудно принять какое-нибудь суеверие.

Размышляя об этом, вы вдруг почувствуете, что слово «суеверие» есть, пожалуй, нечто большее, чем удачное сравнение, что это — один из тех подарков языка, которого удостоившийся его человек сперва не оценивает в полной мере, но потом начинает ценить все больше, находя в нем ключ к дальнейшим размышлениям. «Суеверие» — это «вера все», «ложная вера». Если психоанализ есть наука, то слово «вера» может сочетаться с ним разве в фигуральном смысле. Нельзя же всерьез спрашивать математика, верит ли он в теорему Пифагора, или химика — верит ли он в таблицу Менделеева. Но как же тогда объяснить, что слово «суеверие», вырвавшееся в данном случае как-то естественно, само собою, отнюдь не воспринимается как иносказание? Не должно ли это натолкнуть на предположение, что фрейдизм, вопреки распространенному мнению, есть не научная теория, а нечто другое? Если это не наука, а явление совсем другой природы, то вопрос о вере, а следовательно, и о могущем возникнуть тут суеверии, обретет прямое, а не метафорическое значение.

Но как можно отличить науку от других форм умственной деятельности? Вернее всего — по характеру аргументации. Для наук установлен прочной традицией некий обязательный минимум строгости выводов, ниже которого спускаться запрещено; как только в научной публикации делается попытка протащить довод, располагающийся чуть ниже этой границы, сразу поднимается шум, и сами же ученые одергивают своего коллегу, нарушившего цеховые правила. Однако нетрудно убедиться, что все доводы, на которых построен психоанализ, лежат даже не «чуть», а гораздо ниже этой допустимой границы. Когда замечаешь это, начинаешь испытывать изумление. Чувство недоумения становится еще сильнее, когда собираешь приемы доказательства психоанализа воедино. Вот главные из этих приемов.

1. Выдвижение глобальных утверждений на основании описания частного случая. Это основная методика «доказательства». Описан мальчик, поведение которого заставляет заподозрить в нем скрытую неприязнь к отцу, — появляется закон «Эдипова комплекса»; описан пациент, стремящийся завоевать авторитет окружающих, — формулируется «закон самоутверждения»; описана «женщина-подросток» — готов еще какой-то универсальный тезис. Обнаруженные у конкретных индивидуумов частные особенности психики почему-то провозглашаются фундаментальными, в то время как другие особенности, гораздо более распространенные, полностью игнорируются либо объявляются вторичными. Как посмотрели бы на физика, который, открыв положительный заряд протона, стал бы категорически утверждать, что и все остальные частицы

имеют такой же заряд? Наверное, как на легкомысленного человека и плохого ученого. Но психоанализ находится в особом положении: одного примера, притом сомнительно интерпретированного, достаточно для него, чтобы провозгласить общее положение, против которого никто не осмелится возражать.

2. Толкование сновидений. Их произвольность и тенденциозность бросается в глаза каждому, кто читал основополагающие работы по психоанализу. В статье «Детские неврозы и их лечение» описано, как Фрейд и Адлер заставляли сынишку последнего методом интроспекции исследовать свои сны. За удачный, то есть подкрепляющий психоаналитическую теорию, ответ мальчик получал лакомство. Он, разумеется, быстро понял, что от него требуется, и стал говорить примерно следующее: «Сегодня я видел во сне кусающую меня белую лошадь; это был мой отец, которого я хотел убить». И такого рода «толкования» не остались семейным преданием, причисленным к забавным проделкам остроумного ребенка, а легли в основу целой науки! И снова все, будто за гипнотизированные, принимали подобную аргументацию, приговаривая: «Да, ничего не поделаешь, это факты».

3. Ссылки на художественную литературу. Здесь пропагандисты психоанализа применяют издавна известный трюк, который можно назвать «кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку». Дело в том, что для подтверждения положений психоанализа привлекается в основном так называемая «фрейдистская литература», вызванная к жизни самим же психоанализом. Так возникает порочный круг, считающийся в науке совершенно недопустимой вещью. Но фрейдистской теории и он сходит с рук, и никто не настаивает, чтобы иллюстрации брались только из заведомо нейтральных современных авторов или же из писателей прошлого, которые, кстати, очень подробно описывали свои детские ощущения. Если бы такое требование соблюдалось, то психоанализ едва бы наскреб две-три цитаты, которые с натяжкой можно было бы истолковать в требуемом ему духе. Зато цитат, свидетельствующих против него, можно было бы набрать сколько угодно. Заметим, кстати, что у Эдипа в трагедии Софокла «эдипова комплекса» не было, что признают и сами фрейдисты.

4. Эволюционистские аргументы. Вся концепция «вытеснения», являющаяся одним из краеугольных камней фрейдизма, основана на представлении, что когда-то давно люди не сдерживали своих эмоциональных порывов и делали все, что им хотелось, и лишь с течением времени «общественная цензура» загнала многие побуждения внутрь, создав таким образом ядро «подсознания». Лет пятьдесят тому назад мы бы сказали, что ссылки на древность не имеют научной ценности, ибо никто точно не знает, как жили люди в то время. Но

теперь мы можем выразиться сильнее. Благодаря энтографии и археологии мы сейчас знаем, что никакого «дикого» поведения в первобытных обществах не наблюдалось, что уже в палеолите люди подчинялись социальным установлениям и условностям куда более строгим, чем те, что царят в нашем сегодняшнем обществе, где развратное поведение часто подается как внутренняя свобода и где насаждение порнографии оправдывается ученым словом «сексуальная революция». Таким образом, эволюционистские доводы психоанализа не только не убедительны, но представляют собой грубую подтасовку. Но даже такую явную фальсификацию никто не хочет замечать.

5. Запугивание оппонентов и разные формы давления на них. Психоанализ с самого начала пользовался мощным средством давления, апробированным всеми псевдонауками, представляющими на деле чисто идеологические построения. Этим средством является угроза обвинения в реакционности, отсталости, угроза прослыть ретроградом. Сам Фрейд очень любил обвинять противников в отстаивании «окультизма» (слово «религия» было, видимо, настолько ему ненавистно, что он не хотел даже его произнести). Надо сказать, что для человека, претендующего на то, чтобы занимать прочное положение в науке, такое обвинение является чрезвычайно серьезным и может решительно подорвать его репутацию, закрыв перед ним дорогу к карьере. Здесь мы находим разгадку одного из секретов того странного обстояательства, что ученые капитулировали перед психоанализом без сражения, как австрийские армии перед Наполеоном. Конечно, помимо угрозы прилепить пятнавший научную честь ярлык, употреблялись другие средства, более грубые. Тот же Фрейд писал, что он знал нескольких специалистов, не признающих психоанализа, но у всех них были «неполадки в половой сфере». Вот и рискни после этого возражать Фрейду!

6. Создание впечатления, будто психоанализ открыл феномен «бессознательного» и уже потому является огромным достижением мысли. На эту удочку ловятся сейчас многие даже весьма умные люди, поскольку, вследствие ограниченности своего кругозора, они сводят мыслительную деятельность к занятию естественными науками, возникшими лишь в XVII веке. Но если бы их образование было более широким, они бы знали, что во всех религиозно-философских учениях древности и в христианском богословии средних веков тезис о том, что наше «я» не исчерпывается его сознательными проявлениями, представлял собой очевидное следствие фундаментальных положений, причем не просто подразумевался, а и много раз был выражен в явной форме: например, в учении Гераклита о Логосе, незаметно входящем в нас и делающем нас разумными; в теории Платона о знании как припоминании или в типичных для средневекового богословия словах Максима Ис-

поведника о том, что Бог живет в нашей душе, не осознаваясь нами, и дает нам некоторые указания, которых мы, хотя и выполняем, не ощущаем. Превращаясь в Ивана, не помнящего родства, современный интеллектual полностью игнорирует это духовное наследие, полагая, что первым человеком, научившимся думать, был Френсис Бэкон, поэтому он считает великим открытием фрейдовское исследование «подсознания» и «сверх-Я», которое надо назвать даже не упрощенным переизложением прежнего бесконечно более тонкого учения о душе, а карикатурой на него.

Сказанного достаточно. Мы видим, что психоанализ вряд ли можно считать наукой, ибо он пользуется для своего утверждения совсем не теми средствами, которые типичны для наук, и держится вовсе не убедительностью своих аргументов. Но что он тогда такое? Скорее всего он представляет собой взгляд на мир, мировоззрение. Недаром Фрейда довольно часто называют философом. Из всего, что было сказано, мы можем заключить, что современный фрейдизм, хотя и изменившийся по сравнению с исходным учением, но сохранивший в себе все его мировоззренческие элементы, есть фундаментальная идеологическая установка, предписывающая видеть устройство психики человека в таком-то освещении, установка, по-видимому, полностью отвечающая требованиям нашего общества, иначе она не могла бы удерживаться так долго, несмотря на слабость аргументации. Одна из причин прочности этой установки заключается, вероятно, в том, что на ее основе возникает нужное для функционирования современного общества поведение людей. Как только мы уясним себе, что фрейдизм есть замаскированная под науку идеология (необходимость этой, а не какой-нибудь другой маскировки также продиктована духом эпохи), так сразу же нам станут понятными все его характерные особенности и его судьба. Нам станет понятно, например, почему для его утверждения понадобился человек с незаурядным публицистическим и литературным талантом, каким был Фрейд; почему этот человек называл себя продолжателем дела Коперника и Дарвина. Коперник отверг идею исключительности Земли в Космосе. Дарвин отверг идею исключительности человеческого рода, произведя его от обезьян. Но оставался еще внутренний мир индивидуального человека, хранивший некое обаяние признаваемой прежде «души», вложенной в него Богом. Действуя в духе времени, его необходимо было развенчать, сведя все его проявления к игре как можно менее «духовных» мотивов. Фрейд и его продолжатели изобрели способ такого сведения, и, хотя он вначале вызывал немало возражений (главным образом из-за того, что произвел на многих отталкивающее впечатление своей «циничностью»), постепенно все убедились, что он является самым верным способом, и если не отказываться от фундаментального тезиса эпохи, что че-

любовь есть автомат, естественным образом возникший в процессе эволюции, вряд ли есть основания предпочесть ему что-либо другое. Но если мы хотим достичь истины, мы должны сразу же решительно сказать, что теория любви как сублимация секса, санкционированная авторитетом психоанализа, не становится для нас убедительной только лишь в силу такого санкционирования. Факт общепризнанности вызывает к себе совершенно разное отношение в том случае, когда это утверждение принадлежит мировоззренческой системе. В первом случае этот факт служит веским аргументом в пользу данного утверждения, а во втором — скорее доводом против него, во всяком случае, обстоятельством сильно настораживающим. Ведь господствующее в определенный исторический момент мировоззрение имеет для умов как бы принудительную силу, охватывает мир подобно эпидемии, делает людей слепыми и глухими к несообразностям, заставляет воспринимать все возражения со злобой и устранять их не с помощью логики, а посредством травли и запугивания их авторов. Когда идея овладевает миром, она становится всемогущей — в этом сомневаться не приходится. Но всемогущество и истинность — совершенно разные вещи. В истории цивилизации было множество сменявших друг друга всемогущих мировоззрений, а истина может быть только одна. Современный взгляд на любовь диктуется фрейдовской концепцией, а она представляет собой мировоззрение, поэтому никакой достоверности этому взгляду не сообщает. Конечно, она не сообщает ему и заведомой ложности, но вызывает желание тщательно все перепроверить, опираясь лишь на твердо установленные факты. Так мы и поступим. Мы не будем основывать наши выводы на принятых на веру каких-либо положениях психоанализа, считая их подозрительными уже из-за необычной популярности, но и не будем заранее считать их неверными. Однако по мере получения собственных, независимых от какой-либо «парадигмы», выводов мы будем сравнивать их с фрейдистскими тезисами. Это позволит нам постепенно разобраться в том, можно ли применить к психоанализу термин «суетверие», и если да, то в каком смысле.

3.

Покинув храм современной науки, где все систематизировано и каталогизировано, где можно получить любую справку, докопаться до строгой формулировки и разыскать точную цитату, мы оказываемся на шумной площади, где ни от кого не добьешься ничего вразумительного, где каждый кричит свое, не слушая остальных. Слово «любовь» перестает здесь быть термином, и смысл его делается расплывчатым. Поэтому сразу можно спросить себя: а кроется ли за этим, так часто звучащим, словом, какое-то конкретное и определенное содержание?

Сравним такие две фразы: «Татьяна

любила Онегина» и «Таня любила маму». Может быть, здесь мы встречаемся с омонимами, хотя и не сразу распознаваемыми? Может быть, Танино чувство к маме имеет совсем иную природу, чем чувство Татьяны Лариной к герою своих девичьих грез, и использование одного и того же слова обязано не слишком большой дифференцированности естественного языка? В общем, не следует ли нам сразу сузить диапазон значений слова «любовь» настолько, чтобы оно относилось лишь к эмоциям, возникающей между противоположными полами?

Нет, делать этого нельзя. Во-первых, в корне неправильно производить уточнение интересующего нас чувства не по внутренним его характеристикам, а по объекту, на который оно направлено.

Даже те, кто уверен в служебном назначении любви как устроительницы брака, не станут отрицать, что нередко встречаются «ошибки», когда чувство, совершенно отличное ни по внешним проявлениям, ни по субъективному ощущению от того, которое питал Ромео по отношению к Джульетте, направляется на лицо того же пола или на такое лицо, о брачном соединении с которым не может быть даже мысли. Описание подобного чувства, обращенного к матери, мы находим у Марселя Пруста. Он рассказывает, как в детстве однажды был отправлен спать без надежды, что мать зайдет к нему в комнату пожелать «спокойной ночи», ибо в доме в тот вечер были гости. Дальше события развивались следующим образом:

«Я совершил бунтарское движение, я вздумал прибегнуть к уловке приговоренного. Я написал матери, умоляя ее податься ко мне по одному важному делу, которое я не мог сообщить ей в письме...

Мне казалось тогда, что если бы Сван прочел мое письмо и угадал его цель, то очень бы посмеялся над только что испытанными мною мучениями; между тем, напротив, как я узнал об этом позже, тоска, подобная моей, была мукой долгих лет его жизни, и никто, может быть, не был способен понять меня так хорошо, как он; тоску эту, которую испытываешь, думая, что любимое существо веселится где-то, где тебя нет, куда ты не можешь пойти, — эту тоску дала ему познать любовь...»

Здесь Пруст прямо уподобляет свое детское чувство к матери любовным переживаниям соседа их семьи по имению, которые он воспеет в своем шедевре, так и названном «Любовь Свана» и представляющем собой настолько яркое, точное и полное описание любви, что нам не раз придется прибегнуть к цитированию из него соответствующих мест. Сторонник фрейдизма, конечно, ухватился бы за только что приведенный отрывок как за подтверждение фундаментального тезиса своей теории, будто половое влечение мальчика направляется в первую очередь на его мать. Но заметьте, какая грубая и весьма характерная для всей системы фрейдистских «доказа-

тельств» здесь делается подтасовка! Марсель Пруст, описывая свое детское чувство, ни слова не говорит о каком бы то ни было сексуальном его оттенке. Однако психоаналитика это не смущает. Он говорит: «Видите, автор признался в своей детской любви к матери; но поскольку подоплекой всякой любви является более первичный, чем она, фактор — секс, — то ясно, что у него было сексуальное устремление, направленное на мать, которого он не осознавал». А в другой раз и при других обстоятельствах фрейдист скажет: «Поскольку мальчик прежде всего начинает испытывать влечение к собственной матери, а влечение всегда определяется сексуальным устремлением, то ясно, что секс есть первичный фактор — ведь он проявляется уже в самом раннем детстве». Так одно «доказывается» через другое, а наивная публика верит всему этому, принимая все это за «выводы науки». А достаточно было бы вспомнить, что чувство, описанное Прустом, часто возникает к своей матери у девочек, как ложность аргументации стала бы совершенно очевидной, и порочный круг вылез бы наружу.

Правда, многие поклонники психоанализа оказались способными заметить этот контраргумент. Чтобы обезвредить его, они трактуют случаи влюбленности детей во взрослых того же пола как «сбой» механизма, предназначенного только для разнополюсной любви.

Мы не будем обсуждать вероятность таких «ошибок природы», а выдвинем более радикальное, чем все предыдущие, возражение против истолкования любви как явления, производного от взаимодействия противоположных полов, которое и будет нашим «во-вторых». Мы провозгласим следующее: любовь и половое влечение суть вещи совершенно разной природы, не имеющие никакой внутренней связи и сочетаемые друг с другом при помощи особого, внешнего по отношению к ним, механизма.

Поскольку вирус фрейдистского истолкования любви (через кинофильмы, телевизионные спектакли, популярную литературу и публичные лекции) внедрился сейчас в самые глубины сознания образованной публики, то наше утверждение может показаться не только спорным, но и явно нелепым. Нам скажут: хорошо, пусть мы уговорились не принимать за постулат теорию сублимации, но нельзя же отрицать целесообразности, царящей в природе, и всеобщего стремления живых существ к воспроизведению себя в потомстве! Если любовь ни в каком смысле не есть идеальное отражение этого пронизывающего живой мир стремления, то зачем же она нужна, чему она служит и каковы ее реальные корни?

Тут мы снова обратимся к читателю с просьбой проявить некоторое терпение. Конечно же, глубинная природа любовно-

го чувства будет нами в дальнейшем проанализирована — в этом и состоит главная цель данного исследования, — и возникающие сейчас вопросы не останутся без ответа. Но для начала нам необходимо произвести «расслоение» любви и полового влечения. Для этого уже недостаточны те грубые средства, которыми пользовался Фрейд; здесь понадобятся орудия более тонкие и разнообразные. Прежде всего мы обратим внимание читателя на логический аспект дела. Мы не отрицаем, что любовь и половое влечение часто соединяются и что такое соединение служит делу воспроизведения некоторых видов животных (относительное количество которых, правда, очень невелико). Однако если две данности часто оказываются соединенными, то отсюда еще не следует, что они связаны по своей природе, органически, что одна из них есть следствие другой. Это может означать и то, что имеется специальное устройство, их соединяющее. Как раз такую мысль мы и выразили в нашем тезисе, упоминая сочетающий любовь и половое влечение механизм. Далее. Если каждая из двух данностей может появляться без другой, то они не могут, с точки зрения логики, находиться в причинно-следственном отношении. Такие случаи, как мы увидим, рассыпаны вокруг нас в изобилии; контрпримеры, которые моментально опровергли бы фрейдистскую концепцию, если бы она была наукой, за которую она себя выдает, и вследствие этого считалась бы с логикой, каждый из нас может найти и в собственной биографии.

Одним из незаслуженно редко используемых средств анализа является изучение устойчивых выражений естественного языка. Этот язык лишь при поверхностном взгляде представляется менее дифференцированным, чем насыщенный строго определяемыми терминами научный жаргон. Пресловутая многозначность национальных языков выступает лишь на уровне слов, но на уровне словосочетаний она сменяется удивительной точностью, не доступной никакому научному тексту. В определенном смысле можно утверждать, что «язык умнее нас». Отработанные столетиями обороты народной речи аккумулировали в себе мудрость многих поколений, существенно превышающую мудрость любого отдельного человека, поэтому они нередко воспринимаются, когда в них вдуматься, как неожиданное откровение.

К числу часто звучащих в устах самых разных людей принадлежит фраза «любви сейчас нет». Иногда в ответ на нее можно услышать возражение: «ну, не скажи, любовь встречается и в наши дни, но редко». Порой отрицание любви заходит так далеко, что ее объявляют выдумкой романтически настроенных писателей. О чем же могут свидетельствовать такие высказывания, которые каждый из нас много раз слышал от своих, не изучавших психоанализ,

собеседников? Разумеется, в первую очередь о том, что, несмотря на широчайшую пропаганду фрейдистского взгляда на любовь, ставшую одним из характерных элементов «массовой культуры» (даже школьники сейчас стали рассказывать о любви, руководствуясь теорией «сублимации»), простые люди категорически отвергают этот взгляд, отказываются отождествлять любовь с сексуальным влечением. В самом деле, никто ведь не станет утверждать, будто в наше время такое влечение исчезло или уменьшилось, но это не мешает говорить, что исчезла любовь. Более того, в фразе «любви теперь не стало» совершенно ясно просвечивает сожаление о том, что прежнее высокое чувство заменено в наш век явлением более примитивным и низменным — голым «сексом». Значит, теория сублимации никак не прививается к народному сознанию, и оно, вопреки всем фильмам и популярному чтиву, продолжает противопоставлять любовь и секс как вещи не только разные, но даже противоположные.

Однако может ли народ выступать в этом вопросе компетентным судьей? Ведь было же время, когда народ считал Землю плоской, и только благодаря науке удалось установить ее шарообразность.

Несомненно, когда речь идет о таких вещах, как форма Земли, когда исследуются структурные особенности физического устройства внешних по отношению к нам материальных тел, по поводу которых у людей не может быть никакого накопленного опыта, то последнее слово принадлежит ученым, располагающим изощренными средствами эксперимента и детально разработанной техникой расчета. Но в высшей степени незаконно переносить игнорирование мнения подавляющего большинства людей на анализ тех явлений, с которыми люди знакомы непосредственно, в отношении которых у них имеется громадный внутренний опыт. Любовь принадлежит как раз к такого рода явлениям. Она представляет собой эмоцию, т. е. внутреннее состояние, психический феномен. Кому же лучше знать особенности этого феномена, как не тому, кто является его носителем — людскому племени?

Правда, на современного психолога эти слова не произведут особого впечатления. Он ответит на них следующее: «Огромное значение психоанализа как раз и состоит в выявлении подсознательных, т. е. недоступных прямому интроспективному наблюдению и потому ускользающих от специалистов фактов, одним из которых является тот факт, что чувство любви, в какой бы форме оно ни воплощалось, есть ни что иное, как опозитизированное, сублимированное, деформированное или извращенное проявление одного из фундаментальнейших элементов нашей натуры — полового влечения».

Само собой понятно, что эта реплика будет также возражением против метода

анализа устойчивых языковых оборотов как средства пролить свет на внутренний мир человека.

Что ж, попробуем в таком случае подойти к проблеме еще с одной стороны. Какой бы глубинной ни была связь между двумя какими-то данностями, но если эта связь существует и вдобавок является органичной, то эти данности будут иметь сходные структурные характеристики. Если любовь действительно есть вещь, которая светит не собственным светом, а отраженным светом сексуального влечения, то она непременно должна отразить какие-то самые общие свойства этого влечения, его природу. Давайте же сопоставим любовь и секс с этой точки зрения, не обращая внимания на поверхностные их различия, которые могут быть всего лишь оптическим обманом, а всматриваясь в самую их сущность.

4.

Одной из наиболее очевидных и непреложных особенностей чувства, которое зовется любовью, является, конечно, его обращенность к определенному индивидууму, к личности.

Царь Соломон, выражая свое любовное чувство к Суламите, говорил: «Есть шестьдесят цариц и восемьдесят наложниц и девиц без числа, но единственная она — голубица моя, чистая моя, отличенная у родительницы своей». (Песн., 6, 8). Точно то же ощущение испытывают и все остальные влюбленные люди. Хотя любовь может бросать свои лучи на окружающих и делать их в глазах влюбленного симпатичными, источник этого излучения один — предмет любви. Как только этот источник иссякает, так сразу же все погружается во мрак. Когда у Наташи Ростовской произошел разрыв с Андреем Болконским, то «она говорила и чувствовала, что в это время все мужчины были для нее совершенно то же, что шут Настасья Ивановна». Она «большую часть времени, одна в своей комнате, сидела с ногами в углу дивана и, что-нибудь разрывая или переминая своими тонкими, напряженными пальцами, упорным, неподвижным взглядом смотрела на то, на чем останавливались глаза. Уединение это изнурило, мучило ее; но оно было для нее необходимо».

Любовь всегда имеет строго персональный адрес и не может быть переадресована никому другому. Самым горьким жребием, который может выпасть на долю женщины, народ всегда считал насильственное выданье замуж за нелюбимого. Каким бы красивым и богатым ни был сосватанный против воли жених, он долго не мог заменить избранника сердца и звался «постылым».

Уже для того, чтобы любовь возникла, нужна в качестве ее объекта как можно более яркая личность. Очень трудно влюбиться в «серенького» человека, в среднестати-

стического гражданина. Напротив, всякое проявление оригинальности и необычности, т. е. подтверждение того, что данное лицо носит в себе индивидуальность, сильно способствует зарождению любви по отношению к нему. Часто бывает достаточно одного — двух проявлений индивидуальности: они становятся как бы спусковым механизмом, включающим любовь где-то на уровне подсознания. В пьесе А. Н. Островского «Горячее сердце» героиня страстно влюбляется в пустого и ничтожного человека только из-за того, что он однажды, сыграв на гитаре, как-то по-особенному потрянул кудрями. В рассказе А. П. Чехова «Попрыгунья» героиня предпочла умному и талантливому врачу мелкого душой художника, который, однако, умел создавать видимость своеобразия своей натуры. Вообще, каждый мужчина или знает, или инстинктивно чувствует, что для того, чтобы влюбить в себя женщину, желательно «произвести на нее впечатление», остаться в ее воспоминании не таким как все. Но это как раз и означает быть воспринятым как личность.

А как должна вести себя женщина, чтобы мужчина прочнее в нее влюбился? О, тут мы находим прямо-таки неисчерпаемые запасы подтверждений нашей мысли. Весь мощный институт кокетства, существующий с тех пор, как стоит наш мир, есть не что иное, как стремление женщины выглядеть личностью. Женщина не только не боится показаться мужчине капризной, ветреной, взбалмошной, но часто намеренно старается выглядеть такой; выставление напоказ этих качеств составляет один из самых распространенных типов кокетства. В тех случаях, когда своевольное поведение не соответствует истинным свойствам характера и является лишь наигранным, оно продиктовывается вовсе не рассудком, а интуицией. Глубинная мудрость женской натуры, побеждая навязанное воспитанием представление, будто самыми ценными свойствами человека являются последовательность поступков и логичность мысли, подсказывает ей, что ценным в первую очередь надо считать то, что поможет влюбить в себя мужчину, а вернейшее средство воспламенить в нем любовь — это дать увидеть и почувствовать свою индивидуальность, которая прежде всего открывается наблюдателю в творческом поведении.

Все мы помним, что Наташа Ростова отличалась крайней своевольностью и игривостью, что она постоянно фантазировала, выдумывала что-то необычное, а потом объявляла собственные выдумки вздором. В этом она была прямо противоположна рассудительной и логичной Соне. Однако же все влюблялись именно в Наташу, а не в Соню, ощущая, что первая на незримой лестнице, ведущей от примитивных существ к наиболее высокоразвитым, стоит намного выше второй.

Итак, и мужское «оригинальничье», и женское лукавое кокетство можно назвать

игрой, приз которой — любовь. Но игра эта особая — в ней отсутствуют строгие правила. Более того, вся она затевается именно для того, чтобы показать, что никакие наперед заданные правила не представляют для данного лица препятствий, если его воля обратится против них. Хорошо сыгранная, такая роль обеспечивает успех — возбуждает в чужой душе чувство любви, ибо любовь по самой своей природе может быть обращена только на личность.

Впрочем, возможно такое возражение: известно, что молодые девушки часто начинают наполняться любовью еще до встречи с реальным лицом, могущим стать ее объектом; они влюбляются в абстрактного героя своих мечтаний. Популярным примером такого «безличного влюбления» являются чувства Татьяны Лариной:

Давно ее воображенье,
Сгорая негой и тоской,
Алкало пищи роковой;
Давно сердечное томленье
Теснило ей младую грудь;
Душа ждала... кого-нибудь.

Все это не только не противоречит нашей основной мысли, но, напротив, подтверждает ее. Какими бы сильными ни были чувства Татьяны в период ее юности, это все же была не любовь, а желание полюбить, стремление к любви — чувству, не могущему возникнуть до тех пор, пока не явится «кто-нибудь», т. е. личность. Как только Татьяна узнала Онегина, так сразу же это желание любви реализовалось, и в ее душе вспыхнула уже совершенно новая страсть, которая только и может быть названа любовью. Эта страсть направилась персонально на Онегина и окрасила его в тона ярчайшей индивидуальности (вспомним сон Татьяны, в котором Онегин властвует над нечистой силой), что, в свою очередь, содействовало усилению страсти.

5.

Совершенно противоположной фундаментальной характеристикой обладает половое влечение. Оно всегда безлично. Но, конечно, читатель не обязан верить нам на слово, и мы попытаемся убедить его в этом. Самым большим препятствием к тому, чтобы принять это положение, является тесная взаимосвязь между сексом и любовью, обусловленная наличием сочетающего их механизма, о котором речь у нас впереди. У большинства взрослых людей любовь и половое влечение сложно переплетены; есть и такие люди, у которых влечение всегда сопровождается любовью (хотя вопреки теории сублимации, нет ни одного человека, у которого любовь возникала бы только на базе секса). Особенно много таких натур среди женщин.

При каких же обстоятельствах половое влечение проявляет себя заведомо в чистом виде, не сопровождаясь любовью? Это случается, например, когда жизнь какого-

нибудь человека вступает в полосу, иногда кратковременную, иногда затяжную, которая насыщена разгулом, развратом, оргиями. В этот период человек начинает культивировать половое чувство, стремясь довести его до максимума и выжать из него как можно больше наслаждения. И как раз в это время воображение не останавливается ни на одной конкретной женщине; после того, как сексуальное сумасшествие кончается, в памяти не остается какой-либо личности. Все происходившее человек воспринимает потом, как странный сон. Аналогия со сном здесь более глубока, чем можно предположить. Вероятно, многие мужчины могут вспомнить свои молодые годы, когда их посещали эротические сновидения. Это было удивительное явление — возникающее сексуальное ощущение было лишено каких бы то ни было примесей, звучащим чисто, как камертон, гораздо более острым и пронзительным, чем то, которое сопровождает реальный половой акт. В то же время явившаяся во сне женщина не была одной из тех, кого мы знали в жизни — она оставалась такой же таинственной незнакомкой, как та, что посещала Блока и чьи упругие шелка веяли древними поверьями. Выходит, и забытые разврата и сладостное сновидение доставляют нам одно и то же удивительное и манящее ощущение: нам становится как бы физически доступной сама идея женского тела, которая возбуждает много сильнее, чем любая фактическая ее реализация.

Пойдем дальше. Каждому из нас хорошо известны мужчины, которые хотя и не предаются оглушающему разврату, но до седых волос придают сексуальному наслаждению первостепенное значение, подчиняя ему все остальное. Их называют донжуанами, волокитами и ловеласами. Отличительными особенностями этого племени являются высокий уровень полового возбуждения и частая смена женщин. Если вы спросите одного из таких людей, почему он не способен остановиться на какой-нибудь одной женщине, он чаще всего ответит, что никак не может найти свой идеал. Но это, конечно, будет наивной формой самооправдания. Более реальные причины порхания с цветка на цветок в этих случаях заключаются в том, что донжуанам, во-первых, быстро наскучивает всякая, даже очень привлекательная, женщина, и, во-вторых, их всегда возбуждает новая женщина, даже если она не очень хороша. Вторую причину мы проанализируем позже, а сейчас рассмотрим явление угасания влечения к давней любовнице, которое, если говорить честно, в какой-то мере свойственно не только ловеласам, но и многим вполне нормальным в сексуальном отношении мужчинам. Почти у всех мужчин физическое влечение к женщине достигает своего максимума вскоре после сближения с ней, а потом — увы! — начинает постепенно сходить на нет. Жизненные наблюдения говорят нам, что даже самая красивая

женщина со временем перестает возбуждать половое чувство с той силой, которая излучалась из нее прежде. Случаи длительного сохранения физической страсти между супругами редки, и этот прискорбный факт доставляет семьям немало проблем, о которых здесь нет необходимости говорить в силу их общеизвестности.

А теперь спросим себя: что же в этих случаях надоедает?

В первый момент ответ кажется тривиальным: надоедают специфические особенности данной женщины, тело ее становится знакомым до мелочей и постепенно перестает вызывать интерес, наскучивает. Давая это объяснение, мы уподобляем тело женщины какому-нибудь предмету — например, мотоциклу, которым мужчина вначале увлекается из-за его новизны, а затем забрасывает его, находя себе какое-то новое увлечение. Однако мы сейчас увидим, что эта аналогия весьма поверхностна и вместо того, чтобы помочь нам понять существо дела, вводит нас в заблуждение.

Когда нам наскучивает данный мотоцикл, то становится неинтересным и любой другой мотоцикл. Нам надоедает само занятие, проходит увлечение ездой, результатом чего становится потеря интереса к конкретному мотоциклу. Но если потребность ездить составляет неискоренимую, врожденную черту нашей натуры, то мы никогда не расстанемся со своим мотоциклом и будем всегда относиться к нему так же, как и в первые дни после покупки.

Половое влечение у каждого человека является фактором врожденным, заложенным в него от природы. Остынуть ко вступлению в физическую близость как таковому, пока не придут преклонные годы, никто не может. А если вновь обратиться к примеру ловеласов, то тут уж можно точно сказать, что они не проявляют никаких признаков остывания к этому занятию. Но как раз им всякая конкретная женщина надоедает быстрее всего. Это значит, что сравнение охлаждения к половому партнеру с охлаждением к материальной вещи, которое мы постоянно бездумно употребляем, в корне ошибочно. В противоположность мотоциклу, который, по мере того как его осваиваешь, все лучше и полнее служит делу получения удовольствия от быстрой езды, реальное женское тело довольно скоро начинает мешать делу получения удовольствия от удовлетворения полового влечения. Несчастные донжуаны, вечно сжигаемые огнем полового чувства, не могут раз и навсегда решить проблему его насыщения, найдя подходящую женщину; они вынуждены всю жизнь совершать сизифов труд. Молох секса унимается лишь на короткое время, когда ему в пасть бросают новую любовницу; вскоре после этого он вновь начинает бушевать, заставляя своего раба оставить все другие дела и заниматься поисками следующей жертвы. Все происходит так, будто этот молох, как только он пристально взглянет в как угод-

но красивую женщину, восклицает: «Нет, это не то, что мне было нужно!»

Но что же ему нужно?

Ключ к ответу дают нам приведенные выше слова Толстого о «женщине, как сладком нечто», рисовавшей его мечте в годы юношеского плотского вожделения. Половое влечение всегда направлено не на эту женщину, а на женщину как таковую, на безразличную, обобщенную женщину, и может удовлетвориться только такой женщиной. Но где же найти такую абстракцию? Существует много способов обезличивания женщины, с которой вступаешь в физическую близость. Все они направлены на одно: устранить основное препятствие для удовлетворения половой страсти.

Способ, применяемый ловеласами — постоянная смена женщин. Что он им дает? Чтобы лучше понять это, поставим другой вопрос: какими качествами должна обладать новая женщина, чтобы вызвать в любви из них прилив полового чувства? При всем разнообразии индивидуальных вкусов, она обязана всегда обладать главным свойством: быть новой. Пусть ее тело даже в точности таково, как тело предшественницы, — это не имеет никакого значения. Более того, бывает, что все многочисленные возлюбленные какого-нибудь волокиты удивительно похожи друг на друга и внешне, и по характеру; все они «в его вкусе». Значит, сказать, что ловелас, меняя женщину, получает новое тело — неверно. Чтобы уяснить, что именно он получает, вступив в связь с новой женщиной, нужно сопоставить ее с прежней по всем статьям. Тело у них может быть одинаковое, духовные характеристики тоже. Единственное, чем они отличаются друг от друга — это тем, что прежняя уже стала близким человеком, с ней волей-неволей установились душевные отношения, в ней нельзя более не видеть личности, а новая еще абстрактна, безлична и потому может в течение какого-то времени быть воплощением чистого секса.

Но как поступать тем, кто не может или не хочет идти по пути волокитства, кто убежден, что нужно всю жизнь жить с одной избранницей, или, по крайней мере, стремиться к этому? Такие мужчины, как правило, овладевают умением отключать восприятие личности на время полового акта. Часто они воображают на месте своей супруги какую-то идеализированную или, напротив, опошленную женскую персону — скажем, королеву или проститутку. В чем состоит глубинный смысл идеализации — об этом мы будем говорить дальше. Но и в том, и в другом случае для более полного удовлетворения полового чувства вызывается призрак отвлеченный, теоретический, безличный. Нам труднее говорить что-либо уверенно об аналогичной работе воображения женщин, но есть основания полагать, что нередки случаи, когда женщина, отдаваясь мужу, мысленно заменяет его абстрактным мужчиной, облада-

ющим идеальными свойствами любовника, или каким-либо киноартистом, считающимся «настоящим мужчиной».

Давняя дружба, теплые искренние отношения, длительная духовная близость — все, что заставляет видеть в человеке личность, сильно охлаждает половое влечение, а иногда ставит непреодолимую преграду для вступления с этим человеком в половую связь. Один из лучших рассказов Андрея Платонова, «Река Потудань», повествует о драме, возникшей именно из-за наличия такой преграды. Никита Фролов и Люба Кузнецова, бесконечно преданные друг другу и не мыслившие жизни друг без друга, наконец поженились. Настала первая брачная ночь.

«Никита поднялся и робко обнял ее, боясь повредить что-нибудь в этом особом, нежном теле. Люба сама сжала его себе на помощь, но Никита попросил: «Подождите, у меня сердце сильно заболело», — и Люба оставила мужа.

На дворе наступили сумерки, и Никита хотел затопить печку для освещения, но Люба сказала: «Не надо, я ведь уже кончила учиться, и сегодня наша свадьба». Тогда Никита разобрал постель, а Люба тем временем разделась при нем, не зная стыда перед мужем. Никита же зашел за отцовский шкаф и там снял с себя поскорее одежду, а потом лег рядом с Любой ночевать.

Наутро Никита встал спозаранку. Он подмел комнату, затопил печку, чтобы вскипятить чайник, принес из сеней воду в ведре для умывания и под конец не знал уже, что ему еще сделать, пока Люба спит. Он сел на стул и пригорюнился: Люба теперь, наверно, велит ему уйти к отцу навсегда, потому что, оказывается, надо уметь наслаждаться, а Никита не может мучить Любу ради своего счастья, и у него вся сила бьется в сердце, приливает к горлу, не оставаясь больше нигде».

Писатель огромного, далеко еще не оцененного таланта, которому ни разу не изменило «чувство правды и красоты», показывает самую суть глубинного соотношения любви и секса — их принципиальную враждебность друг другу. Другое дело, что, как мы это увидим, враждебность на определенном уровне преодолевается, и возможность такого преодоления, заложенная в нас природой, является одним из удивительнейших ее изобретений. Но сейчас мы говорим о соотношении, взятом в чистом виде, о враждебности, не устраненной особым усилием любви. Между прочим, тезис об исходной полярности любви и плотского вожделения во все времена считался очевидностью, и понадобились целых три столетия, чтобы с помощью популяризации естественных наук, постоянного культивирования материалистического взгляда на мир и пропаганды «сексуальной революции», в которой кровно заинтересовано «общество потребления», заставить образованную публику поверить в

его ошибочность, объясняемую «невежеством» наших предков. Однако простые люди до сих пор видят все так, как есть.

Сопоставим теперь полученные нами выводы с утверждениями психоанализа. Конечно, психоанализ не отрицает безличности глубинных сексуальных побуждений, того, что он называет «либидо». Делать это — значило бы слишком явно противоречить фактам. Но у него эта безличность получает два разных объяснения, противоречащих друг другу и одинаково не согласующихся с действительностью. По первому из них она рассматривается не как имманентная характеристика, а как безличность уровня, подобную которой можно найти и в любом другом проявлении людского «Я». Татьяна еще не встретила Онегина, но в ее душе уже есть предвестие любви, готовность полюбить «кого-нибудь». Появление Онегина превращает эту потенцию в реальность, и желание любви сменяется самой любовью, в результате этого исчезая. Из нижнего этажа психики, где все бесформенно, оно переходит в верхний, где имеются различные объекты, и нижний этаж остается пустым. Человек еще не купил мотоцикла, но тяга к быстрой езде, хотя и не осознанная, живет в его душе и доставляет беспокойство. Но вот мотоцикл приобретает. Неопределенное стремление поднимается на следующую ступеньку, становится фактическим увлечением и поэтому исчезает. Давно не кормленный младенец не знает конкретно, чего ему хочется, но в нем живет отвлеченная форма голода, голод сам по себе, и он плачет. Но вот ему дали каши. Потребность «еды вообще» сменяется потребностью есть кашу и как недифференцированное ощущение пропадает. Такого же рода неопределенность есть, конечно, и в половом влечении, но, выйдя в сферу сознания, оно превращается отнюдь не в любовь, а в осознанное половое влечение. Часто бывает, что молодой человек из-за полового воздержания находится в угнетенном состоянии, не понимая его причины. Но вот у него появляется возможность вступить в ни к чему не обязывающую связь, и неясное томление сразу проходит, уступая место вполне оторефлексированному желанию женского тела. В прежние времена юношам из высших слоев общества родители обычно помогали перевести половое чувство из нижнего этажа психики в верхний, чтобы оно могло быть потом удовлетворено: подбирали сыночку какую-нибудь крепостную девушку или же советовали посетить увеселительное заведение.

Заметим, что подсознательное сексуальное чувство, перейдя в осознанное желание, сохраняет свою основную черту — безличность. Ни дворовая девка, ни «французская дама», ни любой другой объект «легкой связи», которая является наилучшим средством удовлетворения этого чувства, не воспринимается как личность. Еще

ярче безличность секса проявляется, как мы видели, у людей с повышенной половой возбудимостью, хотя уж их-то влечение прекрасно осознано ими.

Выходит, «либидо» фрейдистов отражается в сознании двумя способами: как оторефлексированное влечение и как любовь, причем эти формы отражения почему-то кардинально различны по своим свойствам. Не странно ли это?

Иногда фрейдисты прибегают и к другому объяснению. Они говорят, что затаенной целью «либидо» является заставить мужчину размножиться до бесконечности, оплодотворить максимальное число женщин, и поэтому оно проявляет черты жадности и ненасытности.

В этом положении нетрудно распознать механически перенесенный на половую сферу один из основных постулатов дарвинизма. В «Происхождении видов» Дарвин писал, что «все организмы стремятся размножиться в таком количестве, что вся поверхность земли не могла бы вместить потомство одной пары». Хотя предложенные недавно во многих лабораториях эксперименты над животными начисто опровергли этот постулат, он все еще господствует в умах и придает упомянутому объяснению психоаналитиков видимость правоподобия. Но это объяснение несовместимо с первым, ибо, если бы оно было правильным, то безличность «либидо» была бы коренной характеристикой, а не безличностью уровня, а стало быть, и любовь, отражающая «либидо» в высших этажах психики, должна была бы быть безличной. Кроме того, упомянутые нами эксперименты, отвергнувшие соответствующее утверждение дарвинизма, автоматически ставят под сильное сомнение и тезис о «стремлении бесконечно размножиться», будто бы гнездящемся в подсознании каждого мужчины, делают его бездоказательным и догматичным. Жизненные наблюдения показывают, что мужчины, обладающие ненасытностью к женщинам, как раз не любят детей и даже на уровне инстинкта боятся зачать, а те, в кого вложено глубокое стремление к рождению детей, являются, как правило, однолюбам.

Впрочем, ловить психоанализ на внутренних противоречиях или на несоответствии фактам — пустое занятие. Он привык пользоваться столь расплывчатыми суждениями, вроде толкования сновидений, что заметить в себе логические изъяны совершенно не способен, а фактам может дать любую трактовку. Но при всей топорности своих аргументов он все-таки вправе заявить, что основной его тезис об органической взаимосвязи любви и секса нами пока не опровергнут, ибо эти данности, несомненно, часто бывают сплетены друг с другом, и непонятно, как может осуществляться такое сплетение, если, как мы утверждаем, они прямо противоположны друг другу.

Продолжение следует

Виктор Тростников

МЫСЛИ О ЛЮБВИ *

Для того, чтобы лучше понять какое-то явление, следует рассмотреть его в процессе становления и развития. Взрослый человек, как выразился Никита Фирсов из рассказа Платонова, «умеет наслаждаться», даже несмотря на любовь. Но является ли такое умение врожденным, или ему приходится учиться?

С какого-то момента нашей жизни навстречу чувству любви, заложенному в нас от рождения, начинает двигаться сексуальное чувство, также пробуждающееся в нас очень рано, но первое время смущающее и пугающее нас своей непонятностью и как бы незаконностью. Сближение этих двух вещей происходит медленно и, как правило, болезненно, преодолевая одно препятствие за другим, и завершается лишь годам к двадцати, а то и позже. Это сближение, а тем более окончательное соединение были бы невозможны без помощи окружающих, без подавления в себе восстающих против него эмоций, без преодоления ряда душевных кризисов, без серьезной перестройки психики. Ход процесса их сближения управляется внешними воздействиями и определяет то изменяющееся с возрастом отношение к слову «любовь», о котором мы говорили в самом начале.

Осталось выяснить, чем заканчивается только что обрисованный процесс, как осуществляется соединение и насколько оно оказывается прочным.

Имеется два типа соединения. Первый, наиболее распространенный, можно назвать механическим смешиванием. В нем компоненты связываются лишь только ассоциативным механизмом психики, рефлексом, а фактически живут отдельной жизнью. Они не дружат, а сосуществуют, напоминая друг о друге благодаря выработанной привычке, а то и почти не напоминая. Бывает так, что любовь и секс разграничены даже по объекту, на который они направлены, — существуют мужчины, считающие, что испытывать вожделение к жене смешно, а влюбляться в любовниц глупо. Но все же гораздо распространеннее тот вариант, когда любовь и половое влечение просто разделены во времени. Когда настает момент для одного, другое здесь отключается. О технике такого отключения мы уже говорили. — она сводится

к умению обезличивать любую женщину на тот период, пока удовлетворяется половое чувство. Это умение, как мы знаем, добывается с трудом, но зато оно дает возможность спокойно жить.

До сих пор мы говорили о сближении любви и секса, и слово «сближение» могло вызвать представление равноправности, симметричности двух полярных факторов, двигающихся с разных сторон к точке, лежащей посредине. На самом же деле никакого равноправия у них нет. Любовь и половое влечение — вещи несопоставимые и несоизмеримые. Часто можно слышать, что без любви человек не может быть полноценным человеком, но это слишком слабое утверждение. Без любви человек вообще перестает быть человеком, а если говорить в более широком смысле, то не может жить и дышать. Даже самый закоренелый злодей знал чувство любви в детстве, когда оно не контролировалось сознанием и наполняло сердце без спроса, и остаток этого запаса хранится в нем до смерти, воскресая то при мысли о старушке-матери, то при воспоминании о родных местах. Недавние эксперименты психологов доказали, что обезьяны, выросшие без материнской ласки и сами лишенные возможности ласкать кого-нибудь, хотя бы куклу, заболевают шизофренией и гибнут. Что же касается секса, то без него человек может прожить не только долгую жизнь, но и стать во многих отношениях выше других людей. Детям нашего века, отвыкшим от внутренней борьбы и преодоления соблазнов, трудно себе представить, что в течение веков и тысячелетий землю населяли миллионы мужчин и женщин, лишенных возможности жить половой жизнью; мужчины были лишены ее из-за неравномерного распределения жен (в тех странах, где существовало многоженство), из-за принятия монашества, из-за распространенного раннего оскотления, часто добровольного; женщины — из-за принятия монашества и из-за строгих правил морали, объявлявших вступление в связь без брака величайшим позором. Современный молодой человек, чувственность которого постоянно подогревается порнографией «массовой культуры» и который вырастает в непоколебимом убеждении, будто главное в жизни — наслаждения, свысока и с некоторым сожалением думает об этих миллионах,

* Окончание. Начало в № 1.

затерянных где-то в человеческой истории и не познавших того, что его примитивный ум считает высшим удовольствием на свете. И только если этот молодой человек окажется незаурядно любознательным и самокритичным, чтобы в условиях окружающей пропаганды потребительского образа жизни излечиться от гедонистического безумия, охватившего все наше общество, если он поставит перед собой по-настоящему серьезные вопросы и найдет на них собственные, а не подсказанные популярными книжками ответы, тогда он, может быть, поймет, что среди этих миллионов многие жили куда более полной, разнообразной и счастливой жизнью, чем живем мы теперь, а те из них, кто звался монахами, внесли огромный вклад в создание духовных сокровищ, которые мы только тратим, ничего к ним не прибавляя.

Итак, любовь — животворный источник, питающий нашу душу и не дающий ей засохнуть, а половое влечение — нечто как бы внешнее по отношению к душе, и хотя очень властное, но вполне преоборимое. Так можно ли их поставить на одну доску?

Правда, сейчас мы должны говорить о любви не в широком, а в узком смысле, о той разновидности, которая соединяется с половым чувством, о любви между мужчиной и женщиной. Может быть, эту, более частную форму любви, можно уравнивать в правах с сексом?

Нет, и это было бы неверно. Конечно, бывают случаи, когда отношения начинаются с полового влечения, а кончаются любовью, и можно подумать, что здесь секс первичен, а любовь вторична (фрейдисты именно так и думают и обобщают это мнение на все случаи). На самом деле это не так: сексуальное чувство является при этом лишь спусковым механизмом, как говорят этологи, «релизером», включающим в действие много превосходящий его по мощности фактор. Когда половое чувство разрушает перегородку, отделяющую нас от какого-то необъятного мирового резервуара любви, и любовь вливается в нашу душу, то секс захлебывается в этом неудержимом потоке и лишь иногда напоминает о себе, пуская пузыри. Характеризуя состояние Свана в период наивысшего накала его чувств, Марсель Пруст пишет: «его любовь давно вышла за рамки физического желания». Подобное затопление секса любовью знакомо каждому, кто хоть раз питал это чувство к женщине в такой сильной форме, когда его нельзя ни с чем спутать.

По существу, мы уже почти все сказали о втором типе соединения: он состоит в том, что любовь поглощает секс, ассимилируя его, и отводит ему в своем роскошном дворце скромное, но удобное местечко.

Надо добавить, что совсем не обя-

зательно соединение второго типа, т. е. поглощение любовью секса, начинается по инициативе последнего. Бывает и так, что все начинается с любви. Поскольку любовь в чистом виде не есть что-то, нуждающееся в дополнении, а, напротив, воспринимается нами как чувство, преисполненное гармонии и совершенства, то сама по себе она не призывает к себе секс. Но разум подсказывает нам, что любовь должна сопровождаться половым чувством, и любви в этой ситуации приходится идти на уступки, принимая секс в свое лоно, ассимилируя его и облагораживая. Иногда она делает это неохотно, как показывает окончание рассказа «Река Потудань». Уйдя от жены из-за того, что его любовь не желала адаптировать к себе половое влечение, Никита узнал однажды, что жена сделала попытку утопиться. Тогда он понял, что она любит его не за это, и что это не будет способно помешать их любви. Никита вернулся домой.

«Он пожелал ее всю, чтобы она утешилась, и жестокая, жалкая сила пришла к нему. Однако Никита не узнал от своей близкой любви с Любей более высшей радости, чем знал ее обыкновенно, — он почувствовал лишь то, что сердце его теперь господствует во всем теле и делится своей кровью с бедным, но необходимым наслаждением».

Любовь Никиты сжалась над половым чувством, но никакого равноправия между ними не возникло. Не бывает его и во всех других случаях, как не может быть равноправия между господином и рабом.

Убедившись, что насаждаемый уже в течение столетия взгляд, будто любовь производна от секса, ошибочен и что бесчисленные поколения, жившие до эпохи психоанализа и считавшие любовь первичной данностью, были более правы, мы должны теперь подробно исследовать природу этой особой данности. Если мы поймем ее, то получим разрешение не только вопрос о сути соединяющего любовь и секс механизма, которому мы пока дали лишь описательную характеристику, но и многие другие важные вопросы.

Говорят, что лучше всего начинать с начала. Так мы и поступим. Попробуем понять, что происходит в момент зарождения любви, какие факторы содействуют ее возникновению и какими особенностями он характеризуется в первое время после возникновения.

Об одном из содействующих факторов — факторе личности — уже говорилось. Броская внешность, оригинальность высказанных мнений, своеобразие поведения, проявление чувства собственного достоинства — все, что воспринимается как признаки яркой индивидуальности, — существенно способствует влечению, а иногда может воспламенить любо-

вью мгновенно. Это прекрасно известно людям, желающим, чтобы в них влюбились; их одежда и манера себя вести всегда направлены на то, чтобы выделиться. И это не просто «брачный наряд», подобный тому, что имеется у птиц, единственная задача которого — привлечь внимание. Все внешние уловки рассчитаны здесь на то, чтобы намекнуть на глубокое внутреннее содержание. Нередко бывает так, что эффектно одетая женщина после нескольких минут беседы с ней теряет в глазах мужчины всякую привлекательность, поскольку обнаруживает стандартность мышления и чувств. Про нее говорят потом, что она была одета «вызывающе». Само это слово подсказывает, как надо понимать ситуацию: дама хочет вызвать интерес своей одеждой, но когда всматриваешься в ее душу, видишь, что ничего интересного в ней нет. Одной эффектности недостаточно даже и для того, чтобы одежда была эффективной в смысле привлечения внимания — она должна быть еще и элегантно, т. е. свидетельствовать о хорошем вкусе, который представляет собой одно из внутренних достоинств человека.

Другим важным фактором, содействующим влюблению, является авторитет. Особенно чувствительны к нему молодые души. Школьники постоянно влюбляются в своих учителей, студенты — в профессоров, спортсменки — в тренеров, подчиненные — в начальников. Объект любви во всех этих случаях предстает в ореоле уже в силу своего служебного или общественного положения, а поэтому не нуждается в наличии тех внешних намеков на яркость своей индивидуальности, о которых мы только что говорили. Даже полное отсутствие у него видимых проявлений незаурядной личности не препятствует влюблению в него, а иногда и помогает ему, ибо истолковывается как удивительная скромность, подчеркивающая духовное величие.

Следующий фактор, близко примыкающий к предыдущему, но заслуживающий того, чтобы рассмотреть его отдельно, — принадлежность к другому, высшему миру. Человек может не обладать личными достоинствами, но если он уже в силу своего рождения имеет нечто, возвышающее его над остальными, например, знатность, или же если он в силу каких-либо обстоятельств сумел стать членом труднодоступного клуба, сделаться своим человеком в мире богемы, проникнуть в великосветские салоны, получить должность, дающую ему возможность посещать экзотические страны, куда никто не может попасть, опубликовать какую-нибудь книгу или быть упомянутым в книге или газете, то это сильно способствует влюблению в него. Читатель может возразить, что древность появления в газете фамилии,

которой подписывается воскресный фельетон, — вещи совершенно разные. Со всех других точек зрения — да, но не с той, о которой мы сейчас говорим. Девушка влюбляется в графа и в модного фельетониста из одних и тех же глубинных побуждений: ей представляется, что в самой природе человека, в веществе, из которого сделано его тело, заключено что-то особенное, отличающее его от остальных. Неосознанным ее стремлением является возможность произнести фразу: «Подумать только, твои предки владели огромными поместьями, а я, когда хочу, могу тебя поцеловать», или «Тысячи женщин читают твои рассказы, а я сижу у тебя на коленях». Еще более глубокую подоплеку данной мотивации вскрывает Марсель Пруст: «Если мы верим, что известное существо причастно неведомой нам жизни, в которую его любовь к нам способна нас ввести, то из всех условий, необходимых для возникновения любви, это условие является для нас самым важным и позволяет ей в большей или меньшей степени обходиться без остальных».

Все три рассмотренных до сих пор фактора — яркость личности, авторитет и принадлежность к особому миру — характеризовали объект любви сам по себе. Но на возникновение чувства сильное влияние оказывают также особенности возникающих между сторонами взаимоотношений. Они зависят как от собственных свойств каждого из партнеров, так и от многих внешних обстоятельств.

Чрезвычайно благоприятным для зарождения любви фактором бывает проявление участия или жалости в тот момент, когда человек в этом остро нуждается. Об этом часто говорят как о возникновении любви на почве благодарности, но такое объяснение неточно. Если понимать «благодарность» в обычном смысле — как чувство, питаемое к человеку, спасшему вас от смерти или одолжившему вам денег, — то она вообще здесь не при чем. Из благодарности женщина может разве выйти замуж, но никак не влюбиться, а мужчина даже и не женится. Искрой, воспламеняющей любовь, служит здесь душевная связь, внезапно устанавливающаяся между партнерами. Казалось бы, что в ней особенного — мы то и дело говорим о добром отношении к нам разных людей и о том, как тепло мы к ним относимся, — но по-настоящему глубокий душевный контакт случается очень редко. Для истинного контакта нужно, чтобы ставни распахнулись сразу в двух душах, что очень мало вероятно. Но заглянув в таинственный мир другого человека или разрешив ему заглянуть в свой, мы уже не можем этого забыть. Неважно, как проявляется участие, важно, чтобы оно пришло в нужный момент. Но когда такой момент настает? Чаше всего, когда человек внезапно оказывается одиноким:

попадает на чужбину или теряет близких людей.

Возьмем иллюстрацию из «Войны и мира». После безумной попытки выйти замуж за Курагина, в результате которой она потеряла своего жениха, князя Андрея, Наташа находилась в состоянии тоски и полного одиночества. В это время между нею и Пьером произошел следующий разговор:

«Для меня все пропало, — сказала она со стыдом и самоунижением.

— Все пропало? — повторил он. — Ежели бы я был не я, а красивейший, умнейший и лучший человек в мире, был бы свободен, я бы сию минуту на коленях просил руки и любви вашей.

Наташа в первый раз после многих дней заплакала...»

С этого момента они уже любили друг друга, хотя тогда никто из них не помышлял о соединении, ибо оно было невозможно в силу внешних причин. Но когда эти причины устранились, любовь, с той незабвенной минуты теплившаяся в душах, как тлеющий уголек, загорелась ярким пламенем, и они стали мужем и женой.

Особенно сильным стимулом ко влюблению является сочетание душевного участия с принадлежностью к высшему миру или с авторитетом того, кто проявляет участие. Такая комбинация действует безотказно, и умелые обольстители это хорошо знают. Один из таких обольстителей, Федор Карамазов, описанный Достоевским, подробно это разъясняет:

«Босоножку и мовешку надо сперва наперво удивить — вот как надо за нее драться. А ты не знал! Удивить ее надо до восхищения, до пронзения, до стыда, что в такую чернявку, как она, такой барин влюбился. Истинно славно, что всегда есть и будут хамы да бары на свете, всегда тогда будет и такая поломоечка, и всегда ее господин, а ведь того только и надо для счастья жизни».

Бывает, причиной возникновения любви служит то обстоятельство, что человек, который проявлял устойчивые признаки влюбленности, вдруг начинает становиться более равнодушным или заинтересованным кем-то другим. Такая «измена» не может оставить равнодушным никого, особенно женщин. Скажут, что ничего удивительного в этом нет, ибо тут оказывается задето самолюбие. Если бы все сводилось к этому, то по отношению к «неверному» появлялась бы неприязнь или ненависть. Но случается иначе: пока человек вызывал преданность, излучал тихое обожание, к нему относились всего лишь как к хорошему другу, но как только он обнаружил признаки остывания, к нему вспыхнула самая настоящая любовь со всеми своими характерными симптомами. Эту «любовь из-за измены» или «любовь на почве ревности» наверняка в какой-нибудь форме (хотя бы в детстве)

испытал каждый, и каждый может вспомнить, что в ее основе лежала не досада или обида, а некоторая жалость к себе, появившееся внезапно чувство заброшенности. Когда чья-то любовь к нам стала для нас привычкой, а потом начинает уходить, мы чувствуем, что делаемся более одинокими, чем прежде, вследствие чего пробуждается глубоко таящееся в нас стремление выйти из одиночества, естественно переходящее в любовь.

В конце 1870 годов в сознании Льва Толстого происходил постепенный переворот, который имел громадные последствия не только для его дальнейшего творчества, но и для всей его жизни. Самые надежные и точные описания этого душевного процесса мы находим, конечно, у самого Толстого в «Исповеди», где он рассказывает о себе в первом лице, и на тех страницах его художественных произведений, где под именами вымышленных героев легко узнать автора с его мучительным ощущением того, что общепринятое мировоззрение не может сделать жизнь осмысленной, и с попытками найти ей замену.

Душевные муки Толстого, которые создали кризис и привели к перестройке взгляда на мир, имеют прямую связь с «Арзамасской тоской» и представляют собой ее ослабленный, но хронический вариант. В «Записках сумасшедшего» Толстой прямо говорит о том, что приступы «Арзамасской тоски» были предвестниками последующего кризиса, имевшего ту же самую глубинную природу. Но если по поводу подоплеки «Арзамасской тоски» Толстой не мог сказать ничего вразумительного, то сущность своего затяжного кризиса он охарактеризовал с предельной четкостью.

«Во все время этого года, — пишет он, — когда я всякую минуту спрашивал себя: не кончить ли петлей или пулей, — во все это время, рядом с теми ходами мыслей и наблюдений, о которых я говорю, сердце мое томилось мучительным чувством. Чувство это я не могу назвать иначе, как исканием Бога. Я говорю, что это искание Бога было не рассуждение, но чувство, потому что это искание вытекало не из моего хода мыслей, — оно было прямо противоположно им, — но оно вытекало из сердца. Это было чувство страха, сиротливости, одиночества среди всего чужого и надежды на чью-то помощь».

Посмотрите только: «сиротливость и одиночество среди всего чужого». — да ведь это в точности то же ощущение, которое в чистой и резкой форме являлось Толстому в безликих гостиницах и в занесенном снегом лесу!

Но Толстой называет это ощущение богоискательством. Не ошибается ли он?

Не стремится ли дать возвышенное объяснение чему-то более простому?

Задав этот вопрос, мы представили, как решительно дали бы на него положительный ответ современные профессиональные психологи. Психологи сказали бы: конечно, в пятьдесят лет у мужчины ослабляется половая потенция, отсюда и кризис. Специалисты по «психологии творчества» высказались бы иначе: понятное дело, после того, как он осилил «Войну и мир» и «Анну Каренину», он надорвался и впал в меланхолию. Но теории этих людей не имеют для нас никакого значения, ибо они создаются с единственной целью: чтобы эти люди могли «играть роль в науке». Для того, кто верит не меняющимся каждые пять лет официальным теориям, а собственному разуму, ясно, что мучения Толстого были чистым исканием Бога, в какой-то форме присутствующим в каждом человеке. Это доказывается и теми обстоятельствами, при которых мучения прошли.

«Знать Бога и жить — одно и то же. Бог есть жизнь. Живи, отыскивая Бога и тогда не будет жизни без Бога. И сильнее, чем когда-нибудь, все осветилось во мне и вокруг меня, и свет этот уже не покидал меня... И я спасся от самоубийства».

В предыдущем нашем исследовании феномена любви мы обнаружили следующее:

Влюбленные сами не знают, чего они хотят друг от друга.

Душе каждого из влюбленных хочется чего-то другого.

Личность возлюбленной не занимает в острой любовной тоске значительного места; тоска будто бы направляется на другую личность, неуловимую и таинственную.

Ностальгия подобна чувствам человека, желающего попасть в рай.

Только ко всему этому добавилось еще одно свидетельство: в самой сильной своей форме ностальгия оказывается ни чем иным, как исканием Бога.

Когда это все соединяется вместе, ответ на вопрос о сущности любви приходит сам собой. Мы начинаем понимать простую вещь: ядром всякой любви является ни к чему не сводимая, первичная данность, которая есть стремление души к Богу.

Как и при всяком постижении истины, т. е. при уяснении фундаментальных и важных вещей, а не мелких деталей, касающихся функционирования материальной составляющей Бытия, мы здесь не открываем ничего нового, а лишь возвращаемся к знанию, которым люди обладали на протяжении тысячелетий и которое было отнято у нас совсем недавно. Еще лет пятьсот тому назад образ Христа как жениха и души человека или коллективной души (церкви) как невесты, стремя-

щейся к любимому жениху, был одним из самых популярных. Тот факт, что в основе чувства любви лежит стремление души к Богу, был тогда настолько очевидным, что мыслители были заняты не его отстаиванием, а его раскрытием и уточнением. Одна из самых точных и кратких формулировок этого факта принадлежит Плотину. Он писал: «в своем естественном состоянии душа любит Бога, стремясь к единению с Ним, как девушка любит прекрасного отца прекрасной любовью. Когда же она как бы ослепляется браком, вступая в становление, она меняет свою любовь на другую, земную любовь».

Мы, к сожалению, отвыкли от таких простых, ясных и исполненных глубокого смысла слов и предпочитаем темный наукообразный жаргон. Что ж, если прибегнуть к нему, можно выразить наш тезис таким образом: то, что мы называем любовью к нашему возлюбленному, есть продукт сублимации чего-то неосознаваемого. Только эта сублимация идет не в том направлении, которое приписывает ей психоанализ, а в прямо противоположном. Любовь есть не опозитизированный низменный инстинкт, а приземленная духовная потребность. Она есть проекция того фундаментального элемента Бытия, каковым является стремление души воссоединиться с сотворившим ее Высшим Началом, на то «пространство», которое образуют наши мысли и чувства и наш язык.

Могут сказать, что выдвинутый сейчас тезис не есть разгадка тайны любви, ибо слово «Бог» не яснее слова «любовь». Но как бы ни обстояло дело с его ясностью, слово «Бог» универсальнее. Бога в нашем тезисе нужно понимать в Его космологическом аспекте, и тогда любовь откроет нам путь к пониманию мироустройства в целом, а значит, объяснится и сама. В этом случае наш тезис свяжет разные проявления Бытия, одни из которых мы знаем лучше, а другие — хуже, и осветит много вещей. Такого освещения не получится, если мы, как это часто делается, будем пытаться объяснить любовь через какое-нибудь равноправное понятие. Например, ссылаясь на обороты народной речи, в которых глагол «жалеть» употребляется как синоним глагола «любить», можно высказать предположение, что любовь есть жалость. Но никакого прибавления ясности это не даст, ибо при этом одна эмоция сводится к другой эмоции, а не к чему-то более фундаментальному. Сказав же, что в основе любви лежит неосознанное стремление души к Богу, мы поднимаемся на более высокий уровень осознания происходящего, начиная понимать не только любовь и жалость, но и их взаимосвязь. Как мы видели, в ностальгии можно обнаружить жалость к себе, которая, по сути дела, есть жалость к человеку, отрезан-

ному от чего-то самого высшего и родного. Эгонист видит в этом заброшенном человеке только самого себя. Но люди великодушные, особенно добрые и самоотверженные женщины, переносят эту жалость и на любимого. Полюбив, они приближаются к Богу и в их душу проникает чувство, которое Бог испытывает ко всем нам, временно отделенным и удаленным им от себя — сострадание и боль. Это сострадание, соединенное с чувством своей ответственности, направляется на другого человека. Когда простая деревенская женщина говорит, что она «жалеет» своего избранника, то эта жалость сходна с чувством, возникшим у Толстого в зимнем лесу — это жалость к заброшенному в этот жестокий и чуждый мир беспомощному человеку. Она растет из того же корня, что и любовь.

Мы уже перечисляли некоторые факторы, содействующие зарождению любви. Среди них упоминали такие качества объекта любви, как авторитет, принадлежность к высшему миру, проявление участия или жалости. Но все это — именно атрибуты Бога. Теперь ясно, почему они облегчают влюбление. Могут сказать, что, по нашей теории, все должны влюбляться только в выдающихся людей. Так оно и было бы, если бы не такое требование, как надежда на соединение. Мы не любим ставить перед собой недостижимые цели. В выборе объекта влюбленный ищет некоторый компромисс: объект должен быть достаточно «божественным», но в то же время должна иметься определенная надежда на его ответное движение к соединению. Правда, молодые девушки иногда влюбляются в знаменитостей по кинофильмам и фотографиям, но в большинстве случаев выбор все же падает на доступный объект, после чего начинается неустынная подсознательная работа, направленная на создание образа, обладающего атрибутами Бога. Это — та самая деятельность глубинного «Я» начального периода любви, о которой мы говорили выше, как об идеализации предмета любви. Распространено мнение, будто человек идеализирует возлюбленного вследствие того, что он в него влюблен; на деле, скорее, он влюбляется вследствие того, что идеализирует. Впрочем, между двумя этими вещами имеется тесная взаимосвязь, и сказать, что здесь причина, а что следствие, нелегко. Нет, пожалуй, ни единого случая, когда в начале любви объект не воспринимался бы много лучшим, чем он есть. Чтобы убедиться в этом, достаточно поспрашивать разведенных супругов, какова была причина расставания. Как правило, вы услышите ответ: «он оказался подлецом» или «она оказалась дрянью». Но что эти ее низменные качества вначале игнорировались. Заметим, что о влюбленном мы часто го-

ворим, что он «обожествляет» объект своей любви.

Не менее ясно, почему влюблению содействует демонстрация сострадания и сочувствия. Один из самых важных для нас атрибутов Бога есть, несомненно, доброта. Понятно, что если какой-то человек поддержит вас в такую минуту, то в нем приоткрывается окно, через которое мы различим силуэт Бога, и нам захочется войти в дверь и объединиться с Богом по-настоящему.

Такое же естественное объяснение получают в свете нашей гипотезы свойства свежей, находящейся еще в процессе формирования, любви. Одна из главных характеристик этой фазы любовного чувства — душевный подъем, ощущение счастья, радостное возбуждение. С точки зрения нашего подхода к феномену любви такое состояние вполне понятно. Найдя себе земной суррогат Бога, душа начинает двигаться к слиянию с ним, но поскольку слияние есть процесс взаимный, то это означает, что Бог начинает вливаться в душу. Не удивительно, что при этом душа просветляется, уходит от всего земного, материального, воспаряет вверх. Человек перестает замечать жизненные неудобства, становится рассеянным, безразличным к практическим вопросам, иногда теряет аппетит, по вечерам долго не может заснуть. Про него в это время говорят, что он «витаает в облаках». Но ведь это же самое, согласно библейским представлениям, делает и Бог. Следовательно, сам язык подсказывает нам, что влюбленность есть стремление к общению с Богом.

Бертран Рассел писал: «Взгляд на мир нового времени, противоположный взгляду на мир средневековья, зародился в Италии в движении, получившем название Возрождения».

Этими словами выражен общепризнанный факт: наше общество со всеми его ценностными критериями вышло из Ренессанса. Началом заката христианской культуры и восхода современной цивилизации было Возрождение.

Возрождение чего?

Известно, некоторых аспектов древнегреческой культуры. История, как говорят латинки, решила сделать второй заход.

Какие же именно эллинистические тенденции воскресли в Италии XV века?

О Ренессансе написано так много и специальных, и популярных книг, он так любим широкой публикой, что все уверены, будто хорошо представляют себе его сущность. Ее нередко выражают словами: «гуманизм», «гуманистическая культура». В любом описании Ренессанса обязательно фигурируют фразы «возник интерес к человеку», «человек был поставлен в центр внимания» и т. д. К

этому добавляется, что искусство — гордость и визитная карточка Возрождения — ярко отразило это, сделало гуманистическую сущность эпохи видимой в буквальном смысле слова.

Согласившись, будто главной линией Возрождения является гуманизм, т. е. культ человека, мы молчаливо приняли тождественность человека и предмета его культа, который характерен для Возрождения. Это уже страшно. Ведь в Возрождении культивировалась только физическая, физиологическая, телесная сторона человека, а вовсе не человек в смысле прежней философии и даже в смысле Протагора.

Идеологи Возрождения провозгласили своим лозунгом раскрепощение человека, его освобождение. Но от чего или от кого?

В этом вопросе у идеологов не было никаких разногласий. Все они считали своей главной задачей освободить человека от гнета церкви. Но разве Ренессанс был политическим движением, которое предполагало борьбу против властвующих организаций? Нет, конечно, это было движение чисто мировоззренческое, не оформленное в какую-либо партию, не имеющее конкретных политических целей, т. е. движение, так сказать, морально-этическое. Лозунг Ренессанса «раскрепостить человека, сняв с него гнет церкви» нужно понимать поэтому как призыв освободить индивидуума от ограничений, наложенных на его жизнь религией. Ренессанс восстал против цензуры, налагаемой на поведение человека его совестью христианина.

Здесь мы снова дотрагиваемся до большого места. Мы привыкли считать Возрождение весьма положительным явлением, прогрессом, большим шагом вперед, который сделало человечество в своем поступательном движении к светлому будущему. Но главное даже не в этом. Возрождение дорого нам скорее не как общественно-политический фактор, а как явление, вызывавшее к жизни искусство, которое до сих пор служит для нас идеальным выражением красоты. Джорджоне! Рафаэли! Леонардо да Винчи! Одни эти имена вызывают в нашей душе ощущение прекрасного. — Если для появления таких художников нужно было ослабить моральные устои, — готовы мы воскликнуть, — то да здравствует ослабление моральных устоев! Разве не было бы невосполнимой потерей для человечества, если бы эти гении не появились на свет и мы не могли бы лицезреть их шедевры? Разве не жаль было бы потерять эти сокровища человеческой культуры?

Попробуем, однако, не горячиться. Нам опять нужно проявить некоторую долю беспощадности к самим себе, иначе тот разговор, который мы затеяли, не даст никакого толку. Конечно, было бы жаль, если бы некто облил бензином

«Джоконду» и сжег ее, как было жаль, когда какой-то сумасшедший попортил ударами молотка «Пиету» Микеланджело. Ну, а если бы бросили в печь икону «Спас Ярое Око» — не было бы жаль?

— Конечно, было бы жаль, — скажет всякий, — но какое это имеет отношение к Ренессансу?

Погодите, скоро увидим.

Сначала несколько слов о физиологии зрения. Картины, которые человек видел чаще всего, особенно в детстве, кажутся ему самыми совершенными по стилю, самыми выразительными. Это, выработанное в силу привыкания, пристрастие к манере и стилю человек абсолютизирует и начинает приписывать стилю объективную, как бы не зависящую от присутствия зрителя, ценность. А теперь, после этого краткого напоминания особенностей нашего восприятия, мы повторим почти то же самое, что уже было сказано, когда мы сопоставляли эллинистическую скульптуру с иконописью Средних Веков. На этот раз давайте сравним с иконой искусство Возрождения.

Наши искусствоведы прямо-таки захлебываются от восторга, объясняя, что мастера Ренессанса, хотя и не могли открыто восстать против нажима церкви и отойти от религиозных сюжетов, стали под видом святых персонажей изображать реальных людей, «прекрасных итальянок». По мнению искусствоведов, это был огромный шаг вперед в искусство. Попробуем на минуту усомниться в этом и проверить, куда был сделан шаг — вперед или назад. — так сказать, экспериментально.

Достаньте где-нибудь две репродукции, желательно одинакового формата и обе цветные. Одна из них пусть будет хотя бы тот же «Спас Ярое Око» или рублевский «Спас», а то и рублевская «Кивоначная Троица»; вторая — «мадонна» какого-нибудь из великих мастеров Возрождения, например, «Мадонна с младенцем» Перуджино, «Мадонна Литта» Леонардо да Винчи или знаменитая рафаэлевская «Сикстинская мадонна». Поставьте эти открытки рядом и постарайтесь отрешиться от выработанных с детства пристрастий к стилю, поглядите на них в течение нескольких минут.

Возможно, изображение Спасителя или Троицы сразу же притянет ваш взор и ваше чувство сильнее, чем изображение прекрасной женщины. Но может стать и так, что икона в первый момент произведет на вас гораздо меньшее впечатление, чем итальянская картина. В этом случае не торопитесь делать выводы. Поместите обе карточки на стену где-то в таком месте, чтобы они бросались в глаза, когда вы находитесь в комнате. И пусть бежит время, и все развивается своим естественным путем.

Теперь ваше «обращение» гаран-

тировано. Может быть, через месяц, а может быть, через год шаблон организуемого действия зрительной коры перестроится, и тогда произойдет чудо. Однажды из глубины странного, сурового образа выплывет невиданный вами прежде одухотворенный лик Божества: сквозь истлевшую за этот месяц или год пелену условности проглянет то, что, казалось бы, не должно быть доступно физическому зрению — существо, принадлежащее не этому миру, тому миру, который увидит наша душа разве лишь тогда, когда окончится наша земная жизнь. Непостижимое искусство живописца позволит вам созерцать это здесь, и вы ощутите почти то же, что ощущал Андрей, слушая пение Наташи: противоположность между чем-то бесконечно великим, что стоит за иконой, и узким и телесным, чем является данная совокупность рассеянных по бумаге цветных точек.

Когда это случится, вы очень редко будете взгляды на «мадонну», а вскоре вам, вероятно, захочется и вообще убрать ее со стены. После освоения оптического эффекта, давшего вам возможность с помощью видимого проникнуть в невидимое, вам станет как-то неинтересно смотреть на красивую девушку, похожую на многих девушек, которых вы видели в реальной жизни. Картина итальянского мастера станет казаться вам чересчур прямолинейной, мелкой по содержанию, лишенной фантазии, пресной. Освобождаясь от выработанной десятилетиями привычки к «реалистическому» стилю, вы начнете понимать, что изобразить «похоже» задумчивое лицо и нежную кожу может любой, у кого есть живописные способности, «хороший глаз» и определенный минимум мастерства; а вот изобразить то, что находится там, способен лишь тот, кто проникал туда силою своего духа, как это умел делать чернец Андрей Рублев, который перед каждой большой работой проводил много дней в посте и молитвах. И еще вы начнете понимать, что уничтожить «Живона-чальную Троицу» было бы, пожалуй, большим преступлением, чем уничтожить «Джоконду».

А в огне русской революции, гражданской войны и последующих лет воинствующего атеизма сгорели неисчислимые сокровища иконописного искусства, в том числе «Казанская Божья Матерь» и «Смоленская Божья Матерь», которые стояли не ниже «Троицы». Были уничтожены и тысячи прекраснейших, уникальных храмов. И знаете ли вы, с чего началось пиззофреническое безумие, которое заставило русских людей со всей страстью своей широкой души уверовать в идеал материального благополучия, как непримиримую альтернативу жизни духовной, и громить все, что напоминало о вере отцов в Царство Дуга?

С Возрождения.

В романе Гюго «Собор Парижской Богоматери» есть глава, которая называется «Это убьет то». В ней проводится мысль, что изобретение книгопечатания упразднило готическую архитектуру. Если вы последуете данному выше совету и действительно прикрепите к стене репродукцию хорошей иконы рядом с репродукцией итальянской картины XV или XVI века, то, взглядывая на них, вспоминайте, что «то убило это». Причем Ренессанс убил великое христианское иконописное искусство не только в том косвенном смысле, что сделал его старомодным и прекратил приток талантов в эту область, но и в более страшном смысле. Дальние последствия Ренессанса оказались таковыми, что оказался возможным, скажем, следующий акт вандализма: рублевский «Спас» использовался в качестве гнета для квашения капусты. Благодаря этому он, правда, не был сожжен в печке, как многие равноценные ему шедевры, но 90% изображения безвозвратно погибло. Значит, не так уж инносказательно можно утверждать, что «Джоконда» повинна в гибели «Спаса».

Но в чем заключалась причина того, что мастерам Ренессанса так захотелось изображать конкретных женщин, которых они видели на площадях Флоренции и Милана? В том, конечно, что эти живописцы были очень чутки к духу эпохи, лучше кого-либо другого выражали тенденцию своего времени. А одной из определяющих тенденций той эпохи был поворот к «наслаждениям». Живописцы выражали и пропагандировали в своих полотнах и фресках то, что философы в это время начали обосновывать теоретически. Один из крупнейших идеологов Ренессанса, Лоренцо Валла (1406—1457), дал своему главному труду следующее замечательное название: «О наслаждении как истинном благе». Появилась новая внутренняя установка, призванная определить жизнь европейского человечества на пять столетий вперед. Вехами в истории Европы нужно считать не французскую или русскую революции, а появление ученых трактатов, в которых выворачивалось наизнанку прежнее представление о благе. Макиавелли (1469—1527) провозгласил, что цель оправдывает любые средства, а целью он считал государство-автомат. Частичками, т. е. «винтиками» такого автомата могли быть, конечно, только простенькие устройства, индивидуумы, все побуждения которых сводились к стремлению получить физическое наслаждение. Валла как раз и объявил всех людей такими устройствами. В его книге имеются такие главы: «О том, что добродетели — служанки наслаждения»; «О том, что жить без наслаждения невозможно, а без добродетели можно». Возражая оппоненту, который приводил примеры прекрасных жизней, посвященных добродетели, Валла саркастически

усмеялся: «Ты привел много примеров, поскольку каждый из них в отдельности мне нет смысла опровергать, нужно сразу заметить следующее: что бы ни делали те, которых ты перечислил, они делали это ради одного наслаждения, и это даже ты не смог бы опровергнуть». Такое же полное отрицание каких бы то ни было добрых и бескорыстных побуждений в человеке было основой мировоззрения знаменитого Монтеня, заявившего: «Что бы ни говорили, но даже в самой добродетели конечная цель — наслаждение. Мне нравится дразнить этим словом слух некоторых лиц, кому оно не по душе». Не ясно ли, что все революции были уже запрограммированы в этих теоретических суждениях, выразивших самую суть Возрождения?

Впрочем, понятие наслаждения не такое уж простое, чтобы не делать никаких пояснений. Скажем, человек, верующий в Христа, если он совершает праведный поступок, испытывает чувство, которое тоже, вероятно, можно назвать наслаждением. Может быть, идеологи Ренессанса понимали этот термин именно в таком, широком смысле?

Разумеется, нет. Весь пафос их деятельности, вся их «революционность» состояли как раз в том, чтобы изгнать из слова «наслаждение» всякий оттенок духовности. Они резко и определенно противопоставили прежней трактовке наслаждения, или блага, как чего-то такого, что доставляет нравственное удовлетворение, другую трактовку: **благое есть то, что приятно или полезно для тела.** В философском плане это означало решительный отказ от векового взгляда на человека как на существо двойной природы, в котором соединены высшая, духовная половина и более низменная материальная половина, и принятие монистического взгляда на него как на чисто материальное существо. **Это и была сущность Ренессанса**, а все остальное, что мы в нем наблюдаем, было лишь неизбежным следствием. Осознав произошедшее на этом глубинном уровне, т. е. осмыслив его, мы легко поймем и все видимые и конкретные детали.

Станет совершенно ясным, прежде казавшееся странным, обстоятельство: один из самых типичных представителей эпохи «гуманизма», Макиавелли, призывал устроить фашистское государство-муравейник. А какой еще вывод мог сделать он из проникавшей в умы концепции, что люди представляют собой заводные игрушки? Только то, что эти машинки нужно соединить в хорошо отлаженную большую машину.

Станет понятным и другой, не раз озадачивавший нас парадокс: в солнечной Италии, как раз в то время, когда в ней возникло благородное движение за «раскрепощение человека», общество за-

хлестнула невиданная прежде коррупция, резко упала нравственность, жизнь человеческая обесценивалась, политическая деятельность стала основываться на предательстве, вероломстве, тайных убийствах. Этого и следовало ожидать: ведь человека «раскрепощали» от его духовной половины.

Станет понятным и то, что прежде нам только казалось понятным, но в чем мы на самом деле заблуждались. Теперь это предстанет в истинном свете. В частности, по-новому предстанет перед нами феномен искусства Возрождения. Что в нем расцвело пышнее всего? Реалистическое изобразительное искусство, прежде всего, точное изображение женского тела. Но пробуждение небывалого интереса к телу вполне естественно — ведь, согласно новой точки зрения, человек стал сводиться именно к понятию тела. Раз люди оказались телесными автоматами, то единственной формой их познания стало анатомически строгое изучение и изображение всех их органов и частей. Изумительные по мастерству рисунки Леонардо, на которых мы видим человеческие тела во всех ракурсах и позах, есть, в сущности, то же, что и бесчисленные чертежи механизмов, которыми полны его трактаты. С одинаковой тщательностью он чертил живые и неживые автоматы, рассматривая их с точки зрения устройства, в которые постоянно стремился проникнуть своей инженерной мыслью.

Итак, явившийся в эпоху Ренессанса соблазн, прельщение, как любили говорить христианские богословы, состояло не в том, что какой-то неведомый искуситель предложил человеку просто сбросить с пьедестала Бога и взобраться туда самому, а в том, что он подбросил человеку идею отказаться от духовного и обратиться к телесному, а потом уже взбираться на пьедестал.

Но опьянение соблазном не может продолжаться вечно. Шло время, люди все пристальнее вглядывались в то, что они возвели на пьедестал, и начинали все больше понимать, что там стоит совокупность мышц, костей, нервных волокон и соединительных тканей, в которой нет никакой души, т. е. труп. И постепенно образ человека в искусстве стал более соответствующим представлению о нем, возникшему с Возрождением. «Венера» Джорджоне через десяток поколений преобразовывалась в «Портрет» Пикассо, на котором женщина собрана из кубиков, как и подобает механической конструкции.

Известно, что, поддавшись одному искушению, начинаешь все легче уступать следующим. В искусстве Высокого Возрождения, которое сейчас представляется нам воплощением неземной красоты, уже неотвратимо готовился к выходу на сцену модернизм.